

БРЮС В. МЕННИНГ

А. И. ЧЕРНЫШЕВ: РУССКИЙ ЛИКУРГ¹

*Автор посвящает эту статью
памяти Роберта Мак-Нила*

Александр Ивану Чернышеву (1785–1857) российское казачество XIX и XX вв. как явление обязано своими формами и размахом более, чем кому-либо другому. В своих последовательных ипостасях кавалерийского офицера, адъютанта при двух царях, армейского реформатора и военного министра Чернышев водил казаков в бой, в постнаполеоновскую эпоху всячески отстаивал казачество, как отнюдь не изжившее своё значение, руководил реформой казачьего войска Донского и, наконец, взял на себя выполнение задачи по насаждению донского образца в других казачьих войсках Российской империи. В значительной степени благодаря Чернышеву те казаки, которые уже давно не находились на переднем крае колонизационного процесса, пережили ликвидацию фронта, превратившись в особое военное сословие. Вклад Чернышева в развитие казачества представляет собой кульминацию той многолетней политики, истоки которой обычно связываются с именем другого князя и военного реформатора — Г. А. Потемкина².

Несмотря на важную роль Чернышева как в судьбе казаков, так

и в области военной администрации в целом, он часто выпадает из поля зрения историков, изучающих дореформенную Россию. До сих пор не написано удовлетворительной биографии этого человека, который был доверенным лицом двух императоров, весьма отличавшихся друг от друга по темпераменту, который одно время возглавлял сразу и Государственный совет, и Комитет министров и который, сверх того, в течение четверти века (1827–1852) являлся влиятельнейшим деятелем Военного министерства Российской империи³. Возможно, причиной такого невнимания служит известное безразличие современной российской историографии к личностям, далеким от революционных кругов, и к традиционным институциональным исследованиям. А, может быть, все дело в некоторой одиозности самого Чернышева и в неоднозначности его наследия. Некоторые современники не простили Чернышеву его участия в допросах декабристов, а один из этих знатных бунтовщиков, С. Г. Волконский, мстительно заклеил Чернышева как «шарлатана» в военной сфере⁴. Катастрофа 1854–1855 гг., как кажется, подтверждает эти слова Волконского, однако многие существенные аспекты проделанной Чернышевым работы, включая относящуюся к казачеству, надолго пережили поражение в Крымской войне. Так или иначе, ни личные недостатки Чернышева, ни ошибки в его военной политике не должны заслонять собой карьеру, изучение которой позволяет по-новому взглянуть как на политику, обеспечившую сохранение казачества, так и на эволюцию российской военной машины в дореформенную эпоху.

А. И. Чернышев родился в 1785 г. в семье генерал-поручика Ивана Львовича Чернышева. Мать его, Евдокия Дмитриевна, была родной сестрой А. Д. Ланского — одного из многочисленных придворных фаворитов Екатерины II. Иван Львович умер, когда маленький Саша находился ещё во младенчестве, однако мать его позаботилась о первых шагах сына в военной карьере, очень рано записав его вахмистром в Кавалергардский полк. Впоследствии мать и сын переехали в Москву, где мальчик получил формальное образование под руководством небезызвестного аббата Перрена. Хотя Чернышев явно намеревался пойти по стопам отца, перспектива

1 Перевод статьи «A. I. Chernyshev: A Russian Lycurgus», опубликованной в журнале *Canadian Slavonic Papers*. XXX. No. 2 (June 1988). Pp. 190–219. Публикуется с разрешения редакции журнала.

2 Данный подход продолжает линию, представленную в работах: Bruce W. Menning, G. A. Potemkin and A. I. Chernyshev: Two Dimensions of Reform and the Military Frontier in Imperial Russia // Donald D. Howard (Ed.). *The Consortium on Revolutionary Europe 1750–1850: Proceedings 1980*, 2 vols. Athens, Georgia, 1980. I. Pp. 237–250; Bruce W. Menning. G. A. Potemkin: Soldier-Statesman of the Age of the Enlightenment // *International Commission of Military History. ACTA No. 7*. Washington, DC, 25–30 July 1982. Manhattan, Kansas, 1984. Pp. 322–338.

3 Историк Н. К. Шильдер отдельными выпусками публиковал незаконченную биографию Чернышева в «Военном сборнике»: Светлейший Князь Александр Иванович Чернышев // *Военный сборник*. № 1. 1902. С. 1–17; № 2. 1902. С. 30–46; № 3. 1902. С. 24–42; № 4. 1902. С. 21–40; другую неполную биографию составил военный историк А. И. Михайловский-Данилевский: *Жизнеописание Князя Александра Ивановича Чернышева* // *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*, 148 тт. СПб., 1867–1916 (далее — СИРИО). Т. СХХII. С. 1–288.

4 Записки Сергея Григорьевича Волконского / Под ред. М. С. Волконского. СПб., 1902. С. 4; о различных мнениях о Чернышеве см.: Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М., 1978. С. 122–123; John S. Curtiss. *The Russian Army under Nicholas I 1825–1855*. Durham, N. C., 1965. P. 97.

юнкерской службы, при Александре I обязательной для всех будущих офицеров дворянского происхождения, его отнюдь не прельщала. Однако случайная встреча с императором в 1801 г. на балу в московской резиденции князя А. Б. Куракина изменила будущее Чернышева (а также и России). Под большим впечатлением от энергичности и светских талантов Чернышева, а возможно, также от его безукоризненного французского языка, император пожаловал молодого человека в камер-пажи при дворе — первый шаг на пути к чину корнета Кавалергардского полка (1802)⁵.

Конная гвардия была той военной структурой, в рамках которой проходили первые годы службы Чернышева. Прослужив два года под Санкт-Петербургом и приобщившись там к жизни кавалеристов, Чернышев получил чин поручика и назначение в адъютанты к генерал-лейтенанту Ф. П. Уварову, командовавшему кавалерийским полком. В этом качестве Чернышев получил боевое крещение, участвуя в трех отдельных конных сражениях при Аустерлице. Во второй половине этого дня (5/17 ноября 1805), завершившегося катастрофой для российской армии, и ранним вечером Чернышев был несколько раз послан Уваровым к царю с донесениями. Спокойствие и находчивость Чернышева под огнем принесли ему орден Владимира 4-ой степени с бантом и последующее представление членам царской семьи. Спустя два года Чернышев получил саблю с надписью «За храбрость» за то, что при Фридрихсбурге нашел брод через реку Алле, позволивший значительной части русской армии вырваться из устроенной французами мясорубки. В январе 1808 г., вскоре после Тильзитского договора, навязавшего Европе непрочный мир, царь отправил Чернышева, теперь уже ротмистра, с личным письмом к Наполеону⁶.

Следующие три года службы в качестве личного царского посланника при Наполеоне стали важным поворотным пунктом в карьере Чернышева и углубили его военное образование, позволив ему лично познакомиться с Наполеоном и изучить его методы. В то же время молодой офицер постоянно находился в поле зрения царя. Благодаря своему остроумию, живости, личному обаянию и превосходному знанию французского языка Чернышев сумел получить доступ к ближайшему окружению французского императора. Наполеон выделял Чернышева как одного из немногих офицеров, с которыми можно беседовать на всевозможные темы с «солдатской откровенностью, без дипломатической фразеологии». В кругу придворных дам Чернышев считался «героем салонов с татарскими глазами». Ходили слухи, что с некоторыми влиятельными

дамами он поддерживал отношения, далеко выходящие за рамки обычных дипломатических обязанностей⁷. Вызывая удивление, а нередко и гнев аккредитованных в Париже российских посланников, Наполеон нередко уделял Чернышеву львиную долю своего внимания. Каждое новое послание одного императора к другому становилось катализатором для очередного раунда бесед между Чернышевым и Наполеоном, в ходе которых французский император вслушивался в слова царского эмиссара, стараясь не упустить ни единого дипломатического нюанса. В то же время особые отношения между Наполеоном и Чернышевым предоставляли гвардейскому офицеру беспрецедентную возможность ознакомиться изнутри со структурой вооруженных сил наполеоновской Франции. Чернышев не только объездил почти всю Францию, уделяя особое внимание военным делам, но и провел большую часть Ваграмской кампании в свите французского императора⁸.

Близость к высокопоставленным лицам неизбежно втягивала Чернышева в мир шпионажа. С сентября 1810 по февраль 1812 г. военный министр генерал М. Б. Барклай де Толли поручал Чернышеву, к тому времени уже полковнику, собирать всевозможные сведения о французских военных приготовлениях вообще и, в частности, «любой ценой» получить доступ к секретным планам, специальным проектам и графикам передвижения войск. Далеко не сразу после того, как эта деятельность привлекла внимание французского министра полиции, Наполеон лично взял Чернышева под свое покровительство, тем самым на какое-то время сохранив прямую линию связи с Санкт-Петербургом. Тем временем, при содействии высокопоставленного чиновника французского военного министерства, известного нам лишь по имени — Мишель, — Чернышев получил и передал Барклаю де Толли копии докладов о положении в армии, которые подготавливались для французского императора каждые две недели. Эта игра завершилась лишь в феврале 1812 г., когда Наполеон, уже активно разрабатывавший планы вторжения в Россию, выслал Чернышева из страны после исключительно язвительной аудиенции⁹.

За годы, проведенные в разъездах между Санкт-Петербургом и штабом Наполеона, Чернышев привык к составлению донесений и постепенно осмелел до того, что начал давать царю советы по военным вопросам. К 1811 г. он уже был убежден, что конфликт неизбежен и советовал царю перехватить инициативу, оккупировав Польшу и вынудив Наполеона к оборонительным действиям

5 Шильдер. Указ. соч. № 1. С. 2–3. По-видимому, эта ветвь семьи Чернышевых не состояла в близкородственных отношениях с Захаром Григорьевичем Чернышевым, который в 1760 г. участвовал в захвате Берлина, а с 1773 по 1784 гг. возглавлял Военную коллегию.

6 Там же. С. 3–7.

7 Пашенный Н. Чернышев и Наполеон // Военно-исторический вестник. № 20 (ноябрь 1962). Париж, 1962. С. 15–17; см. также: Карасев А. А. Чернышев на Дону // Исторический вестник. Т. ХСIII (июль 1903). С. 234.

8 Пашенный. Указ. соч. С. 17–19.

9 Michael and Diana Josselson. The Commander: A Life of Barclay de Tolly. New York, 1980. Pp. 79–80.

в восточной Европе¹⁰. В том же году Чернышев предложил создать специальный «немецкий легион», набрав для службы в царском офицерском корпусе разочарованных и недовольных сыновей прусского, австрийского и рейнландского мелкопоместного дворянства. Чернышев считал, что эти эмигранты смогут составить значительную часть офицерского корпуса в трех пехотных и двух кавалерийских полках, рядовыми в которых будут служить уроженцы прибалтийских губерний России. Командным и служебным языком в этих частях Чернышев предлагал сделать немецкий, а на ключевые должности поставить выходцев из рядов прибалтийского дворянства. Оставляя в стороне вопрос о рациональности этого предложения, новизна его заключалась в основной задаче легиона: в самом начале военных действий он должен был высадиться на северо-германском побережье, а оттуда направиться вглубь страны, собирая вокруг себя силы антифранцузского сопротивления, провоцируя народные восстания и угрожая коммуникациям Наполеона. К этой идее Чернышев возвращался и впоследствии, выдвигая уже другой набор рекомендаций¹¹.

Действительно начавшаяся в 1812 году война предоставила Чернышеву возможность выступить с новыми советами и подняться на несколько ступеней по карьерной лестнице. В обстановке неразберихи, царившей в конце июня и начале июля, он выполнял роль связного между свитой императора и штабами командующих первой и второй западных армий. К середине июля, когда царь еще пребывал под впечатлением от предложенного прусским генералом Эрнстом фон Фулем плана, согласно которому армии следовало отойти к укрепленному лагерю под Дриссой, в донесениях Чернышева уже выражалась озабоченность проблемами глубокой обороны и мобилизации резервов. Именно эти вопросы стали причиной конфронтации между Чернышевым и теми офицерами, которые настаивали на немедленном решающем сражении¹². Впрочем, Чернышев, отправленный с поручением в Дунайскую армию адмирала П. В. Чичагова, оказался вдали от тех бурных стратегических дискуссий, которые сопровождали отступление Барклая к Смоленску. В конце сентября, возвращаясь с юга в сопровождении сильного казачьего эскорта, Чернышев по дороге в Вильну наткнулся на небольшой французский отряд, конвоировавший в Польшу

двух высокопоставленных русских пленных — Ф. Ф. Винценгероде и Л. А. Нарышкина. После недолгой схватки казаки освободили пленников. Чернышев получил награду в форме повышения в чине от полковника до генерал-майора и назначения на возделенную должность генерал-адъютанта при императоре¹³.

Новая должность и чин обеспечили Чернышеву командирский статус и одновременно гарантировали ему сохранение прямого доступа к царю. В конце 1812 г. Чернышев недолгое время служил начальником штаба в «летучем корпусе» атамана донских казаков М. И. Платова. В начале 1813 г. Чернышев получил командование крупным кавалерийским соединением, в основном состоявшим из казаков. Главными задачами этого соединения стали набеги на неприятеля, дальняя разведка, а также упрочение репутации Чернышева. В 1813 и 1814 гг. он участвовал в нескольких кавалерийских набегах с целью захвата стратегических пунктов в глубоком тылу у врага. Взятие Суассона принесло ему чин генерал-лейтенанта. Эти подвиги, возможно приукрашенные Чернышевым, который к тому времени достиг совершенства в составлении донесений, позволяли ему оставаться в поле зрения императора и обеспечивали постоянный приток наград и почестей, включая различные австрийские и прусские военные ордена¹⁴. К этому времени Чернышев уже вел переписку со многими вельможами при императорском дворе, включая влиятельного графа А. А. Аракчеева. Отрывки из этой переписки свидетельствуют о том, что Чернышев неустанно комментировал ход военных действий, подчеркивая пользу ударных сил и освещая дипломатические проблемы, связанные с ведением коалиционной войны¹⁵. После завершения военных действий редкое сочетание военного и дипломатического опыта обеспечило Чернышеву возможность сопровождать императора в Париж, Лондон, Вену и Верону.

Десять с лишним лет борьбы с наполеоновской державой оставили глубокий след на Чернышеве, как и на множестве его современников, как европейцев, так и русских. Уже в 1814 г. он пишет царю о том, что «летописи народов не представляют похода, который по изобилию средств, по употребленным в нем усилиям и по важности последствий мог бы казаться столько же достопамятным, как поход союзных держав противу Наполеона». Далее он отмечает, что «в военном искусстве он представляет изобретение новых спосо-

¹⁰ Шильдер. Указ. соч. № 3. С. 28. № 4. С. 22–23.

¹¹ Там же. № 4. С. 38–40; о немецком легионе см.: Peter Paret. Clausewitz and the State. New York, 1976. Pp. 226–228; идея глубоких рейдов по территории Германии находила приверженцев даже на закате Российской империи; см., например: Christopher Bellamy, «Seventy Years On: Similarities Between the Modern Soviet Army and Its Tsarist Predecessor», Royal United Service Institution Journal (September 1979). P. 32.

¹² Записка Флигель-адъютанта Чернышева // Военный сборник. № 1. 1902. С. 183–192.

¹³ Записки Сергея Григорьевича Волконского. С. 202–203; Великий Князь Николай Михайлович. Генерал-адъютанты Императора Александра I. СПб., 1913. С. 1–2, 95–96.

¹⁴ Алексеевский В. Чернышев, Александр Иванович // Русский биографический словарь. Т. XXII. С. 298–299; см. также: Поход русской армии против Наполеона в 1813 и освобождение Германии / Под ред. А. Г. Тартаковского. М., 1964. С. XXII, XXIV, XXVII, 39, 48, 88.

¹⁵ Отечественная война в письмах современников / Под ред. Н. Дубровина // Записки императорской академии наук. Т. XLIII. 1874. С. 505–508, 513–514.

бов, извлеченных из обстоятельств сей необыкновенной войны».¹⁶ В данном случае Чернышев имеет в виду не изменение тактики, которое, как казалось, требовало использования атакующих колонн и застрельщиков в разомкнутом строю. Технические и идеологические новшества он также затрагивает лишь походя. Вместо этого Чернышев делает акцент главным образом на возрастающем значении «малой войны», то есть операций партизанского типа, ведущихся на периферии крупных войсковых подразделений противника с целью беспокоить их, нарушать подвоз фуража и продовольствия и изматывать до полного истощения. Идея Чернышева заключалась в том, чтобы повысить статус малой войны, превратив ее из полезного дополнения к основным операциям в элемент первостепенной важности, правильное применение которого позволит командующему полностью контролировать стратегическое окружение. С этой целью адъютант императора подчеркивает значение военных действий в партизанском стиле и пользу сравнительно крупных мобильных рейдовых сил, которые «разделялись во все стороны по следам неприятеля, несли с собой ужас и опустошением изобильнейших стран лишали его нередко лучших способов продовольствия... Положение и силы неприятеля были им всегда известны, между тем как они умели скрывать от него настоящее число, в котором они находились и которое по быстроте их движения казалось всегда удвоенным»¹⁷.

В последних замечаниях Чернышева отразились и его личный опыт, приобретенный в 1812–1815 гг., и растущая убежденность в значении легкой кавалерии для военных операций того времени. Представления о французской угрозе и о методах противодействия ей отличались многообразием. Чернышев, как и некоторые другие, искал ответа на наполеоновский вызов в операциях за пределами поля боя, которые обозреватели XX века называют боевыми операциями на театре военных действий. В отличие от генерала А. И. Хатова, считавшего, что французский военный гений проявляется в основном на тактическом уровне, Чернышев полагал, что секрет успехов Наполеона скорее в массовости и мобильности, в использовании стремительных передвижений для сосредоточения подавляющих сил у тех объектов, захват которых ставит противника в явно невыгодное оперативное положение. Полвека спустя американский кавалерийский командир Натан Бедфорд Форрест сфор-

мулирует этот подход в лаконичной фразе: задача командира в том, чтобы «оказаться на месте поскорее и с наибольшим числом солдат». В кругу влиятельных российских офицеров Чернышев выделялся как сторонник именно такого метода противостояния Наполеону, и его взгляды, получив широкое распространение, оказали громадное влияние на будущее как казачества, так и вооруженных сил императорской России в целом¹⁸.

На основе своих наблюдений и опыта Чернышев указывает, что эпоха революционных изменений в военном деле требует организации и введения в действие крупных и мелких формирований легкой кавалерии. Крупные формирования (от нескольких до дюжины полков), обеспеченные конной артиллерией, предназначены для проведения как самостоятельных, так и вспомогательных операций, и обязаны поддерживать постоянную связь со штабом, чтобы соединиться с основными силами в случае надвигающегося решающего сражения. На поле боя легкую кавалерию следует использовать в соответствии с общепринятыми современными тактическими принципами. Наибольшую пользу принесет массовое применение легкой кавалерии за пределами поля боя. Она должна действовать в авангарде главных сил, захватывая объекты в глубоком тылу врага, и служить в качестве мобильных ударных сил, участвующих в крупномасштабных рейдовых операциях. Эти операции, подобные «неудержимому потоку», призваны обрушиваться на противника, расстраивая его планы. Цель их — уничтожение вражеских форпостов, отдельных формирований, линий коммуникаций и источников снабжения. При достаточной отваге и умелом руководстве такие отряды приобретут большое оперативное значение в любом грядущем европейском конфликте. И, разумеется, как бы по случайному совпадению, действия самого Чернышева в недавних наполеоновских кампаниях являются примером именно такого руководства и свидетельствуют об именно такой роли легкой кавалерии¹⁹.

Чернышев также утверждает, что боевое значение небольших отрядов легкой кавалерии не пропорционально их размерам. Опыт малой войны говорит о том, что мелкие мобильные подразделения играют решающую роль в пресечении подвоза продовольствия и фуража к более крупным и менее подвижным силам противника. Вследствие почти постоянной потребности в снабжении, основанном на реквизициях, армии наполеоновской эпохи особенно уязвимы перед лицом противника, способного упорно и умело вести малую войну²⁰.

16 Документы, относящиеся к военной деятельности А. И. Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах // СИРИО. Т. СХХI. С. 236.

17 Там же. С. 236–237; здесь наблюдается поразительное сходство с замечаниями генерала Антуана Анри Жомини в «Искусстве войны»; см.: Antoine Henri Jomini. *The Art of War*, transls. G. H. Mendell and W. P. Craighill / Rpt. ed. Westport, Conn., n. d.. Pp. 286–287. Чернышев был явно знаком и с Жомини, и с его взглядами. Михайловский-Данилевский утверждает, что Чернышев уже в 1811 г. пытался переманить Жомини на русскую службу (Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 48–49).

18 Докладные записки, представленные А. И. Чернышевым Имп. Александру I во время Ахенского конгресса в 1818 г. // СИРИО. Т. СХХI. С. 377–379.

19 Докладные записки и донесение А. И. Чернышева Имп. Александру I 1814–1815 гг. // СИРИО. Т. СХХI. С. 292.

20 СИРИО. Т. СХХI. С. 236–237; 293; Bruce W. Menning. *Military Institutions and the Steppe Frontier in Imperial Russia, 1700–1861* // International Commission

Доводы Чернышева казались не только убедительными, но даже, можно сказать, неоспоримыми, и не только по причине его близости к царю, но и по некоторым другим обстоятельствам. Во-первых, свою роль сыграло то, что партизанские действия в 1812 г. ознакомили русских офицеров с полным потенциалом малой войны как существенного элемента вооруженного конфликта в эпоху массовых армий, действующих в чрезвычайно расширившемся оперативном пространстве. А если кто и упустил это обстоятельство из виду, то после 1815 года с печатных станков непрерывным потоком шли все новые и новые книги и статьи о подвигах таких легендарных партизанских вождей, как Денис Давыдов, Ф. Ф. Винценгероде, А. Н. Сеславин, А. С. Фигнер и Н. С. Дорохов²¹. Эти и другие офицеры, подобно Чернышеву, поняли, что смогут сделать карьеру, постоянно напоминая о своих подвигах читающей публике, включая представителей двора. Как впоследствии утверждал декабрист С. Г. Волконский, эти подвиги зачастую бывали сильно преувеличены, но поскольку они обычно совершались без свидетелей, не было никого, кто мог бы подтвердить или опровергнуть притязания этих офицеров²².

Неожиданная популярность малой войны была тесно связана ещё и с тем, что из наполеоновских войн вышло несколько других старших кавалерийских офицеров со взглядами, близкими идеям Чернышева. Среди них были и такие видные фигуры, как Константин Христофорович Бенкендорф, младший брат будущего главы Третьего отделения, и Иван Осипович Витт. Последние два являются авторами адресованных царю объемистых меморий, содержание которых, отличаясь в деталях, по своему тону и направленности обнаруживает поразительное сходство со многими военными донесениями и сообщениями Чернышева²³. Оставляя в стороне вопрос о несовпадении подробностей в изложении некоторых событий, а также разницу в характерах и личном опыте Чернышева, Витта и Бенкендорфа, все трое сходятся в одном, а именно, в необходимости сохранять и усиливать казачьи войска императорской

---

of Military History. ACTA No. 5. Bucarest 10–17 VIII 1980. Bucharest, 1981. Pp. 189–190.

21 См., например: Действия отряда Генерал-Адъютанта Чернышева в 1814 году; а также: Седьмая выписка из дневника партизана Дениса Давыдова, 1812 г. // Отечественные записки. 1822. Ч. 9–10. С. 41–49, 145–165, 333–351; о развитии военно-мемуарной литературы во время и после наполеоновских кампаний см.: John L. H. Keep. From the Pistol to the Pen: The Military Memoir as a Source on the Social History of pre-Reform Russia // Cahiers du Monde russe et soviétique. XXI. No. 3–4 (July–December 1980). Pp. 298–299.

22 Записки Сергея Григорьевича Волконского. С. 207.

23 См.: С. De Benkendorff. The Cossacks: A Memoir, presented to H. M. the Emperor of Russia in 1816 / Transl. George Gall. London, 1849; Витт И. О. Не-что о войске Донском. Рукопись // Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 330 (Казачий отдел Главного штаба). Оп. 2. Д. 43. Л. 5–11.

России как возобновляемые источники военных людских резервов. Наличие казаков, которые к началу XIX в. могли выставить более чем 100-тысячную конницу, позволяло России превзойти прочие европейские державы в способности мобилизовать большие массы легкой кавалерии. Кроме того, казаки были отлично приспособлены именно к тем операциям силами крупных и мелких формирований, о которых говорил Чернышев. Подвижность, легкость и скорость — качества, требовавшиеся во фронтальных войнах прежних эпох, превозносились как оперативные достоинства в новых планах по использованию легкой кавалерии, выдвигавшихся после 1815 г. Все три офицера подчеркивали преимущества казачьей конницы и настойчиво призывали царя принять необходимые меры для сохранения казаков как важного военного актива России²⁴.

Наряду с признанием боевой ценности казачества, проявлялась также и озабоченность его недостатками. Хотя многие наблюдатели очень быстро признали вклад казаков в разгром Наполеона, особенно в кампании 1812 года, они не стеснялись указывать и на отрицательные стороны, характерные для иррегулярных войск всегда и везде: неорганизованность, нехватку дисциплины, экипировку неоднородного качества и не всегда адекватное руководство²⁵. Дополнительные трудности создавало то, что в некоторых местностях казаки уже давно жили не на фронтире. Высказывались опасения, что при отсутствии повседневной военной угрозы казаки постепенно лишатся стимула к поддержанию постоянной боеготовности²⁶. С целью преодолеть вышеуказанные недостатки казачьих частей и сохранить существование казаков как военной силы, вне зависимости от наличия фронта, такие наблюдатели, как Витт, Чернышев и К. Х. Бенкендорф, выступали за внедрение в различных казачьих войсках формальной структуры с целью институционализации и упорядочения казачества как системы, сформировавшейся в эпоху существования на фронтире.

Проблема состояла в том, что решение этой задачи требовало редкого сочетания благоприятных обстоятельств, политической ловкости, точного выбора момента и удачи. Не все казаки походили друг на друга, но те, кто считал себя потомками прежних вольных воинов степи, особенно донские казаки, обычно сопротивлялись внедрению каких-либо дополнительных структур и средств контроля, относясь к подобным мерам как к «регулярству». Этим словом они описывали участь тех своих служилых собратьев по казачеству, которые принуждались к ношению уставной формы и непосредственному под-

---

24 См. особ.: Benkendorff. The Cossacks. Pp. 46–48; СИРИО. Т. СХХI. С. 293.

25 Benkendorff. The Cossacks. Pp. 15–20; см. также: Броневский В. Б. История Донского войска, описание Донской земли. В 4 т. СПб., 1834. Т. II. С. 255–260; Витт. Указ. соч. Л. 8.

26 Ср.: Jomini. The Art of War. P. 287.

чинению строевым офицерам и направлялись на службу в регулярные полки. Малейший намек на грядущее «регулярство» мог послужить причиной серьезных беспорядков среди казачества. Очевидно, именно это послужило причиной для волнений на Дону и на Урале в 1770-е гг., а затем снова на Дону в 1792–1794 гг. Казаки не отказывались от службы, но предпочитали служить на собственных условиях, которые обычно определялись местными обычаями и традициями²⁷.

И все же, с точки зрения Санкт-Петербурга, ситуация была отнюдь не безнадежной. XVIII век стал эпохой существенных перемен в бывших вольных казачьих войсках, поскольку традиционные бастионы казачьей автономии и сепаратизма рушились один за другим под натиском имперской экспансии. Начиная с правления Петра I, царское правительство постепенно подчиняло себе казачье войско, применяя военную силу, превращая казачьи структуры управления в составную часть административной системы российской империи и поощряя ассимиляцию местной элиты в ряды российского дворянства. Целью этих мер было по возможности сохранить военную систему казачества и одновременно подчинить зачастую неуправляемые казачьи войска императорской воле. Этот процесс получил дополнительный импульс в последней четверти XVIII в., когда Г. А. Потемкин взял в свои руки политику по отношению к казачеству, придал ей целенаправленность, а затем при всяком удобном случае расширял ее пределы. Занимая всевозможные административные и командные посты, фаворит Екатерины II провел ряд масштабных реформ, призванных обеспечить более полную субординацию казачьих войск, создать новые войска по типу старых и реорганизовать, упразднить либо переселить те общины — как вольные, так и служилые, — которые не проявили достаточной лояльности или военной пригодности. Однако, в отличие от ситуации, сложившейся позднее, в эпоху Александра I и Николая I, именно военный фронт, а не боевые действия на равнинах северной Европы, определяли и направляли деятельность Потёмкина²⁸.

XVIII столетие преподавало несколько полезных уроков тем потенциальным военным реформаторам, которые пытались привнести изменения в казачьи общины. Один из них состоял в том, что резкие действия обычно приводили к резкому противодействию. Сущест-

венные нововведения оказывались успешными лишь в тех случаях, когда они следовали за серьезными беспорядками, но даже и тогда реформы оправдывались тем, что они якобы проводятся в интересах самих казаков. Так было, например, на Дону после восстания Булавина в 1707–1708 гг., когда Петр I упразднил выборность войсковых атаманов (1709), а затем подчинил казачье войско имперской Военной коллегии (1721). То же произошло и в 1775 г., когда Потемкин после пугачевского восстания учредил на Дону новую местную власть в лице гражданской администрации Войска. Важную роль в успехе такой ломки устоявшихся традиций играло принуждение или угроза принуждения, так как возникновение чужеродных административных структур и присутствие императорских чиновников порой служили достаточным поводом к бунту. Впоследствии Санкт-Петербург чаще всего выигрывал в тех случаях, когда осуществлял управление через подставных лиц — членов новоиспечённого казачьего дворянства, которые среди прочего обязаны были нести службу в местных гражданских и военных учреждениях и просвещать рядовых казаков в отношении императорской воли²⁹.

Второй важный урок XVIII столетия заключался в необходимости поддерживать определенные иллюзии относительно статуса казаков и их институтов. Хотя казаки уже являлись подданными Российской империи, они всё ещё сохраняли юридический статус вольных людей, обладающих рядом привилегий, которые предоставлялись им в обмен на обязательную военную службу. Взаимосвязь между статусом и службой формулировалась в терминах взаимных уступок, хотя у казаков не осталось ни прав, ни возможности отказать служить империи. Каждый новый самодержец, восходя на престол, выражал благодарность казакам за их службу и подтверждал «старинные казачьи права и привилегии», среди прочего освобождение от обложения налогами, право на коллективное пользование всеми земельными и водными ресурсами на территориях казачьих войск, а также право беспошлинного производства и продажи алкогольных напитков³⁰. Пусть Санкт-Петербург и навязывал казакам новые функции и новые структуры, но подобные меры оказывались наиболее успешными в тех случаях, когда выполнялись с оглядкой на обычаи и представления о реальных и мнимых правах и обязанностях. Такие реформаторы, как Потемкин, учитывавший эти тонкости, понимали необходимость сохранения фасада, чтобы под его прикрытием проводить фундаментальную перетряску всей

27 О «регулярстве» см.: Marc Raeff. *Pugachev's Rebellion* // Robert Forster and Jack P. Greene (Eds.). *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*. Baltimore, 1970. Pp. 188–189; Philip Longworth. *Transformations in Cossackdom* // Béla K. Király and Gunther E. Rothenberg (Eds.). *War and Society in East Central Europe*. Vol. I. New York, 1979. Pp. 398–399.

28 О реформах Потемкина см.: Marc Raeff. *The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G. A. Potemkin* // Gerald N. Grob (Ed.). *Statesmen and Statecraft of the Modern West: Essays in Honor of Dwight E. Lee and H. Donaldson Jordan*. Barre, Mass., 1967. Pp. 7–10; Menning, G. A. *Potemkin and A. I. Chernyshev*. Pp. 239–243; Theresia Adamczyk. *Fürst G. A. Potemkin: Untersuchungen zu seiner Lebensgeschichte*. Osnabrück, 1966. Pp. 72–78.

29 Bruce W. Menning. *The Emergence of a Military-Administrative Elite in the Don Cossack Land, 1708–1836* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (Eds.). *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Chapel Hill, N. C., 1980. Pp. 130–161.

30 Права и привилегии Войска Донского, российскими государями дарованные // Донские войсковые ведомости. № 43. 29 октября 1863. С. 245–247.

системы. Непонимание же могло повести к недовольству и даже мятежам. В сущности в последней четверти XVIII в. царское правительство имело в своем распоряжении достаточные военные силы, чтобы подавить любое казачье восстание. Однако целью его было не уничтожение, а поддержание и сохранение казачества.

Такая политика прагматичного лицемерия, сочетавшаяся с ограниченными институциональными изменениями и подставным руководством, способствовала также насаждению процарских настроений в среде казачества. В число других важных факторов входили религия и эволюция традиций службы. Еще в XVI в., в ранний период независимого существования казачества, представители различных казачьих войск считали себя православными христианами, а на протяжении всего XVIII в. попытки царского правительства упрочить авторитет церкви занимали важное место в общих усилиях по насаждению на казачьих территориях стандартных административных порядков и структур. Кроме того, казаки привыкли воспринимать себя как составную часть православного царского воинства, ведущего вековую борьбу с татарами и турками. Наконец, неопределимую роль в насаждении среди казаков лояльности к царизму играла сила привычки, поскольку те несли верную царскую службу во время многочисленных военных кампаний конца XVIII — начала XIX вв. В то время как эти кампании способствовали все более тесным контактам казаков со структурами и офицерским корпусом регулярной армии, непрерывная служба также, вероятно, помогала ослабить сопротивление наихудшим аспектам «регулярства»³¹.

Однако в первые десятилетия XIX в. даже выдающиеся военные заслуги не могли затенить неопределенности статуса казачьих войск в том виде, какой они приобрели при Потемкине. Они не относились ни к гражданской, ни к военной сферам империи. Те казаки, чья родина перестала быть приграничной территорией, оказались как бы на пол-пути в болезненном процессе превращения из вольной пограничной стражи в особое военное сословие. Исключение составляли служилые казаки, уже завершившие этот переход. Что же касается остального казачества, то многие аспекты казачьего самоуправления и военной службы уже представлялись курьёзными аномалиями. Военная организация казаков, жестко подчиненная центральной военной администрации и получившая некоторую элементарную структуру, все же имела достаточно недостатков, чтобы вызывать негативные отзывы даже со стороны ревностных поклонников³². Казачья

31 Longworth. Transformations in Cossackdom. Pp. 398–404.

32 Атаманство Денисова и комитет 1819 года // Донская газета. № 25. 24 июня 1873. С. 98–100; Никольский А. И. Главное управление казачьих войск // Столетие Военного Министерства / под ред. Д. А. Скалона. 48 ч. в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. XI. Ч. 1 (далее СВМ, Т. XI, Ч. 1 или 2). С. 153–155, 158; Трехсотлетие войска Донского, 1570–1870 г.: Очерки из истории донских казаков / Сост. А. Савельев. СПб., 1870. С. 116.

гражданская администрация, хотя и претерпевшая ряд существенных преобразований в 1775 г., а затем в 1797, 1801 и 1804 гг., не соответствовала ни гражданским, ни военным образцам той эпохи, несмотря на то, что в намерения реформаторов явно входило отделение военной администрации от гражданской, причём последняя выстраивалась по образцу губернской. Несмотря на постепенное насаждение имперского законодательства и административных процедур, налицо были бесчисленные нарушения: делопроизводство велось небрежно, субсидии разбазаривались, дела накапливались тысячами и долгие годы оставались без решения³³. Что еще хуже, возникновение и эволюция класса потомственных дворян-офицеров, казачьих «чиновников», вело к массовому отчуждению земель в личное пользование и к появлению крепостничества на казачьих землях. Эти последние явления грозили серьезными последствиями для будущего казачьей военной службы, поскольку земля оставалась главным источником средств, позволявших казакам поддерживать постоянную боеготовность³⁴. Александр I только было начал выказывать некоторую озабоченность этими проблемами, когда бурные европейские события отвлекли его внимание к иным военным проблемам.

После Венского конгресса у царя вновь наблюдается пробуждение интереса к казачеству. Тому было несколько причин. Одной из них явилась растущая озабоченность вопросом содержания крупнейшей в Европе постоянной армии в условиях финансовых затруднений. Исключая курс на создание массовой призывной армии с краткосрочной службой и долговременным пребыванием в запасе, единственным идеальным решением финансовой проблемы представлялся перевод армии на более или менее полное самообеспечение. Соответственно, Александр выражал растущий интерес к расширению проводившихся еще до 1812 года экспериментов по созданию военных поселений. Отчасти благодаря сочинениям Чернышева и других офицеров, царь проявлял интерес и к судьбе казаков, которых он в данных обстоятельствах мог рассматривать как военных поселенцев³⁵.

33 СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 275–276; Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (далее РГИА). Ф. 1149. (Департамент законов Государственного совета). Оп. 1. 1816. Д. 15. Л. 407.

34 Чернощевков Н. А. Землеустройство казачьих войск // Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалона. Т. XI. Ч. 4 (далее СВМ. Т. XI. Ч. 4). С. 39–47.

35 Alan D. Ferguson. The Russian Military Settlements, 1810–1866. PhD dissertation. Yale University, 1968. Pp. 51–68; Richard E. Pipes. The Russian Military Colonies. Journal of Modern History, no. 3 (1950). Pp. 205–219; Сироткин В. Г. Финансово-экономические последствия Наполеоновских войн и Россия в 1814–1824 году // История СССР. 1974. № 4. С. 46–62; John L. H. Keep. The Russian Army's Response to the French Revolution // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. XXVIII (1980), Н. 4. Pp. 501–504, 521; см. доклад Чернышева Александру из Вены об австрийских военных поселениях в Хорватии: Дипломатическая миссия А. И. Чернышева в Вене в 1816 г. // СИРИО. Т. СХХI. 1906. С. 342–346.

Более непосредственное значение для привлечения царского внимания к казакам имело поступившее в сентябре 1818 года от А. К. Денисова, атамана донских казаков, предложение создать особую комиссию по кодификации законов донского казачества. Указывая на растущие затруднения в сфере землевладения и отправления воинской службы, Денисов возлагал вину за эти и иные проблемы, проявлявшиеся в течение многих лет, на незакодифицированность старинных порядков и традиций, регулировавших различные стороны казачьей жизни. Весной следующего года царь отозвался на просьбу Денисова, создав не комиссию, а «Комитет об устройстве Донского казачьего войска», цель которого состояла в том, чтобы пересмотреть различные обычаи и «собрать воедино все узаконения относительно Войска Донского, в различные времена по различным случаям изданные и в разных частных постановлениях заключающиеся» и представить царю «новое Положение»³⁶. Помимо тех казаков, которых предлагалось включить в состав этого комитета (получившего известность как Комитет 1819 года), царь ввел в него двух должностных лиц, не принадлежавших к казачьему сословию: А. И. Чернышева и В. И. Болгарского. Включение Чернышева в комитет царь объяснял его военным опытом и близким знакомством с казачьей службой. Болгарский же должен был представлять на заседаниях комитета министерство юстиции. Это начинание, со временем переросшее в спонсируемое правительством реформаторское движение, имело важные последствия не только для донских казаков, но и практически для всех казачьих войск императорской России.

В ретроспективе представляется, что функция Денисова, да, собственно, и функция всего казачьего Войска Донского заключалась в том, чтобы предоставить Чернышеву набор обстоятельств, оправдывающих широкомасштабное и решительное вмешательство в местные казачьи дела. Как проводник царской воли, Чернышев в течение своей карьеры, приобретавшей все большую общественную значимость и протекавшей на фоне последних лет царствования Александра и почти всего царствования Николая I, сумел постепенно превратить многие из своих идей в отношении казаков в законодательную реальность. Однако было бы неверно объяснять успехи Чернышева в деле придания казачеству новых форм исключительно его влиянием при дворе и его положением в военной иерархии. Конечно, эти моменты важны, но сами по себе они не всегда имели решающее значение. Не столь осязаемым, но не менее существенным фактором были личные качества Чернышева, включая его способность от-

стаивать свои замыслы, его твёрдую волю и политическую ловкость. Эти качества, в сочетании с преувеличенным мнением о собственной значимости, нередко проявлявшимся высокомерием и известной мстительностью, были способны изрядно осложнить жизнь тем, кто осмеливался выразить несогласие с генерал-адъютантом императора. Те же самые качества позволяли Чернышеву выдержать затяжную борьбу, необходимую для достижения его целей³⁷.

Казачья реформа разворачивалась на нескольких последовательных этапах, причем каждый был отмечен либо активным участием Чернышева, либо его своевременным вмешательством. На первом этапе, в 1819–1821 гг., Чернышев выдвинулся как одно из главных действующих лиц на донской сцене в амбициозном стремлении взять на себя как руководство Комитетом 1819 года, так и определение его задач и процедур. На втором этапе, который пришелся на 1821–1825 гг., место действия переместилось из Новочеркасска — столицы Войска Донского, — в Санкт-Петербург, где созданный в новом составе Донской комитет разработал проект Положения для рассмотрения в Государственном совете и последующего предоставления императору. На финальном этапе, в 1825–1845 гг., Чернышев, который к этому времени возглавлял военное министерство, добился одобрения и издания долгожданного донского Положения, а затем распространил его действие и на другие казачьи войска императорской России.

С самого момента прибытия в Новочеркасск весной 1819 г. Чернышев демонстрировал решимость подчинить своей воле законодательный процесс, связанный с политикой и административной деятельностью по отношению к казакам. Хотя источники не более как намекают на возможность заранее обеспеченного одобрения императора, явно, что Чернышев приехал в донскую столицу, опираясь на твердую готовность престола поддержать начинание, которое по своему размаху далеко превосходило скромное предложение атамана Денисова о кодификации³⁸. Проблема заключалась в том, каким образом инициировать и навязать программу реформ, масштаб и цели которых по различным причинам неминуемо вызвали бы массовое противодействие со стороны различных элементов донского населения. Личные отношения с царем и угроза императорского гнева являлись полезным оружием в арсенале Чернышева, но сами по себе не могли обеспечить поддержки на местах, необходимой, чтобы преодолеть сопротивление переменам. Тот факт, что Чернышев успешно преодолел это препятствие, служит свидетельством политической виртуозности, достойной любого ветерана придворной политики и дипломатических интриг.

36 Материалы для истории войска Донского // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, в 15 т. СПб., 1876–1915 (далее СИМ, Т. VIII или IX). Т. VIII. С. 269; Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. В 46 т. СПб., 1830–1839 (далее ПСЗ 1). Т. XXXVI. № 27819.

37 Попов Г. А. Мое прошедшее или воспоминания одного простого смертного // Рукописный отдел Российской Государственной Библиотеки. М 10808. Л. 31–32.

38 СИМ. Т. VIII. С. 270–273, 459–461.

Силы потенциальной оппозиции представляли собой полный спектр лиц, фракций, группировок и даже целых сегментов донского населения. Атаман Денисов, поддерживавший саму идею реформ, был традиционалистом и полагал, что местные проблемы следует решать в соответствии с местными обычаями и порядками. Для него Чернышев был «непосвящённым», строевым офицером, не столько сведущим в казачьих делах, чтобы внести серьезный вклад в кодификационный процесс, призванный сохранить традиционный образ жизни казаков. Местные функционеры, чиновники гражданской администрации, имели некоторые основания для беспокойства, хотя бы потому, что Чернышев воплощал в себе всемогущего и пытливого царского эмиссара — эквивалент ревизора, двадцатью годами позже столь блистательно спародированного Н. В. Гоголем. Нижние чины беспокоило также сознание того, что им ничего не стоит попасть под потенциально компрометирующий и разрушающий карьеру перекрестный огонь в войне между местными лидерами и представителями Санкт-Петербурга. Более того, тревога охватила и представителей донского дворянства, особенно тех, кто выкроил себе личные поместья из казачьих земель. На Денисова они пеняли за привлечение нежелательного внимания к Дону, но перед генерал-адъютантом из столицы империи, называвшим их то «военными чиновниками», то «местными помещиками» и в частных разговорах намекавшим на сомнительность их прав на землю и дворянские чины, они попросту трепетали. Наконец, имелись непредсказуемые и зачастую озлобленные рядовые казаки, жители более сотни станиц, разбросанных по всему бассейну Дона. Даже в прежней переписке с царем Чернышев откровенно признавал подозрительность рядовых казаков и их ограниченную способность смириться с отступлением от освященных временем обычаев³⁹.

Не упуская из вида этих и других потенциально неустойчивых элементов и в то же время проводя свою линию при составлении проекта Положения о реформах, Чернышев предпринял местное наступление в два этапа. Первый этап включал в себя поочередное задабривание и запугивание членов Комитета 1819 года из числа казаков с тем, чтобы они приняли предложенную Чернышевым повестку дня, которая явно выходила за пределы кодификации, подразуемая слабо замаскированные реформы. С самого начала работы комитета между Чернышевым и Денисовым стали возникать конфликты, связанные с существенной разницей в темпераментах, а также фундаментальными разногласиями в целях и методах преобразований. Хотя Денисов был местным военным героем и пользо-

вался серьезным авторитетом, ему было далеко до царского генерал-адъютанта, легко преодолевавшего оппозицию среди членов Комитета за счёт сочетания своего статуса, административного опыта и нередких намеков на поддержку императора. Несмотря на сопротивление атамана, Чернышев навязал Комитету свою волю, вынудив последний согласиться с его рекомендациями по вопросам содержания и порядка работы. Входящие в Комитет представители казаков, опасаясь навлечь на себя гнев императора, либо молчали, либо поддерживали Чернышева. Последний сразу же оттеснил в сторону престарелого атамана, который, несмотря на должность председателя, был вскоре вынужден вести арьергардные бои за сохранение хотя бы минимального влияния на работу Комитета⁴⁰.

Весной и летом 1819 г. напористость Чернышева вдохновляла Комитет на редкую решимость не сходить с пути реформ. Кроме того, присутствие Чернышева позволяло ему держать руку на пульсе местного общества, оценивая степень сопротивления переменам, а также их поддержки. Под пристальным взглядом Чернышева Комитет установил рабочее расписание, предусматривавшее три заседания в неделю для рассмотрения докладов отдельных подкомитетов, призванных исследовать три основные сферы: экономическую, административную и сферу военной службы. Значительные усилия прилагались к сбору всевозможных данных (включая исторические), которые служили основой для рекомендаций Комитета. Чернышев настаивал на том, чтобы подключить недавних выпускников находящегося неподалеку Харьковского университета из числа казаков, включая будущего историка В. Д. Сухорукова, к обработке статистических и исторических данных практически по всем основным сторонам казачьей жизни. Вопрос землевладения оставался особенно сложным, поскольку он требовал всеобъемлющего и первого в истории обследования всех казачьих земель с целью определения их характера, размеров и эксплуатации. Вскоре Чернышев начал агитировать за привлечение дополнительных землемерных команд от министерства внутренних дел и от соседних губерний. В лихорадочной деятельности, сопутствовавшей первым неделям работы Комитета, Болгарский стал неизменным спутником Чернышева. В ходе совместной работы он накопил достаточно опыта, чтобы в течение следующих двадцати лет исполнять роль альтер-эго Чернышева в вопросах, связанных с казачьей реформой⁴¹.

Свои особые запросы Чернышев излагал в переписке, которую непрерывно вел с царем и различными высокопоставленными чиновни-

39 Краснов Н. И. Исторические очерки Дона // Русская речь. Кн. 7. (Июль 1881). С. 111–113; см. также: СИРИО. Т. СХХI. С. 384; очень удачное изложение вопроса о дворянстве см.: РГИА. Ф. 1409 (Фонд Собственной Е. И. В. Канцелярии). Оп. 1. Д. 2477. Л. 17–18.

40 Атаманство Денисова и комитет 1819 года. С. 99; Записки Донского Атамана Денисова // Русская старина. Т. XII (март 1875). С. 473; СИМ. Т. VIII. С. 280–284.

41 СИМ. Т. VIII. С. 276–280, 360; послужной список Болгарского см.: РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 116. Л. 43–46.

ками. В число последних входили Аракчеев, А. А. Закревский (также генерал-адъютант, впоследствии генерал-губернатор Финляндии), Д. И. Лобанов-Ростовский (министр юстиции), и князь П. М. Волконский (начальник Генерального штаба Его Величества). Донесения и личные письма неоднократно предоставляли Чернышеву возможность подорвать доверие к местному руководству, тем самым повышая собственные шансы на приобретение полного контроля в проведении реформ. Умение обрисовать ситуацию на местах в черных красках также позволяло Чернышеву отрезать потенциальных противников реформы среди донского дворянства от источников поддержки и защиты в столице империи. Соответственно, переписка Чернышева полна обличений и брани в адрес атамана Денисова (за обструкционизм), местных властей (за неэффективность и коррумпированность), и донского дворянства (за самочинный захват земель)⁴².

Кампанией против дворянства ознаменовался второй этап наступления Чернышева, в ходе которого он старался обеспечить поддержку рядовых казаков, изолировав их от дворянства. Чтобы обеспечить себе расположение простых казаков, Чернышев требовал от Комитета рекомендовать принятие специального закона о денежных субсидиях для казаков на действительной службе вместо выдачи фуража на вторую лошадь, взятую в кампанию. Благодаря личному ходатайству генерал-адъютанта перед императором и военным министерством рекомендация была немедленно принята к исполнению. Каждому казаку, участвовавшему в кампании, выплачивали девяносто рублей как компенсацию за невыдачу фуража для запасной лошади⁴³. Помимо того, с самого начала своей работы в Комитете 1819 года Чернышев особое внимание уделял вопросу о земельной реформе, который неизбежно обеспечивал ему поддержку со стороны простых казаков, бессильно наблюдавших, как излишки земли растворяются под двойным напором прироста населения и присвоением земель казачьим дворянством. Чернышев даже призывал рядовых казаков подавать жалобы на офицеров, присваивавших станичные земли, предназначавшиеся для общего пользования⁴⁴.

Действия Чернышева представляют собой любопытный вариант стародавней тактики «разделяй и властвуй», столь усердно применявшейся Санкт-Петербургом в отношении казаков в прежние годы. Ранее центральные власти опирались на казачьих офицеров, чтобы подчинять своей воле рядовых. Теперь же Чернышев вполне со-

42 О тактике и целях Чернышева особ. см.: Игнатович И. И. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937. С. 65–70; примеры переписки Чернышева см.: СИМ. Т. VIII. С. 273–289, 352–366, 459–482; Т. IX. С. 72–73, 191–202; а также: СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 162.

43 СИМ. Т. IX. С. 57–61, 77–80, 113.

44 Превосходный пример — список жалоб, оглашенных депутатами от станицы Урюпинской: РГВИА. Ф. 331 (Казачий комитет войска Донского). Оп. 1. Д. 15. Л. 88–90.

знательно вел противоположную политику, стараясь завоевать расположение рядовых казаков с тем, чтобы нейтрализовать влияние дворянства и мобилизовать народные настроения в пользу перемен. Члены местного дворянства, по различным причинам противившиеся программе Чернышева, вскоре оказались в изоляции и от Санкт-Петербурга, и от низов. Генерал от кавалерии И. В. Васильчиков, член Государственного совета, впоследствии выступивший в роли защитника казачьего дворянства, верно оценивал ситуацию, когда в 1820-е гг. писал о том, что «несогласие, ныне между ними существующее, по моему мнению, полезно для правительства, напротив как единому сердцу в войске столь многочисленном, необразованном и отдаленном от должного наблюдения может иметь невыгодные последствия»⁴⁵.

В течение второй половины 1819 г. и всего 1820 г. умелое манипулирование местными проблемами позволяло Чернышеву вести наступление на реальных и потенциальных противников. В конце лета и осенью 1819 г. он воспользовался недавно выданной привилегией на местную алкогольную монополию («питейный откуп») как средством дискредитировать атамана Денисова и двух членов Комитета 1819 года — генералов Карпова и Черевкова. Чернышев критиковал эту монополию как прямое нарушение старинных прав и привилегий казачьего войска, согласно которым все казаки имели право на беспрошленное производство алкогольных напитков. Административную ответственность за введение монополии нес Денисов, а Карпов и Черевков приобрели эту монополию, собираясь воспользоваться ею для того, чтобы пополнить местный бюджет. Когда члены Комитета не смогли решить вопроса о законности монополии, Чернышев направил по этому поводу запрос в Санкт-Петербургский Правительствующий Сенат. Тем временем император заменил Карпова и Черевкова двумя другими генералами из казаков, А. В. Иловайским и Д. Е. Кутейниковым, которые считались сторонниками Чернышева по широкому кругу вопросов, связанных с казаками. Кроме того, Чернышев получил от императора разрешение пригласить еще шестерых казачьих офицеров для участия в заседаниях Комитета 1819 года⁴⁶.

Несмотря на признаки растущего недовольства со стороны императора, Денисов сумел удержаться на своём посту до начала 1821 года. Хотя питейный откуп едва ли говорил в его пользу, решающим соображением для вывода атамана из состава Комитета

45 Бумаги А. И. Чернышева по делам комитета 1821–1824 // СИРИО. Т. СХХI. С. 391.

46 О питейном откупе см.: Записки Донского Атамана Денисова. Т. XII. С. 472–473; Краснов. Исторические очерки Дона. Кн. 7. С. 117–126; СИМ. Т. IX. С. 125–128; Высочайшие повеления А. И. Чернышеву за 1819–1825 гг. / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сборник исторических материалов. Т. VI (далее СИМ. Т. VI). С. 46–47; РГИА. Ф. 651 (Васильчиковы, Князья). Оп. 1. Д. 204. Л. 5; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3316. Л. 1–23; Д. 2477. Л. 28–29.

стала его явная неспособность справиться с кризисом, принявшим форму крестьянских волнений. Последние были на Дону обычным явлением, но весной 1820 г. совокупность обстоятельств, включая наличие давних обид, этнические различия, а также слухи о грядущем освобождении, которое якобы готовит Комитет, привело к тому, что около 12 тысяч донских крепостных в четырнадцати крупных станицах восстали против своих хозяев. Будучи самым высокопоставленным офицером на Дону, Чернышев воспользовался этим восстанием для того, чтобы упрочить свое положение в глазах царя, одновременно еще больше ослабив позиции Денисова. С благословения Санкт-Петербурга, Чернышев немедленно взял в свои руки управление военными действиями против несчастных бунтовщиков; в донесениях, напоминающих доклады 1812 и 1813 гг., он подробно описывает собственные подвиги, в то же время обвиняя Денисова в нерешительности, неумелости и некомпетентности⁴⁷. В конце концов кампания Чернышева против атамана принесла долгожданный результат: в январе 1821 г., после того, как Правительствующий Сенат высказался против питейного откупа, Комитет Министров рекомендовал отставку Денисова. В 1821 г., по возвращении на Дон из Тропау и Лайбаха, где он снова служил в качестве дипломатического советника царя, Чернышев вступил в должность председателя Комитета 1819 года и начал работать вместе со сменившим Денисова А. В. Иловайским⁴⁸.

Теперь, когда Комитет состоял преимущественно из собственноручно отобранных самим Чернышевым членов, а оппозиция со стороны казачьего дворянства была хотя бы на время нейтрализована, Чернышев спешил поскорее завершить разработку проекта Положения о реформах. Поначалу Комитет продолжал работу в Новочеркасске, но осенью 1821 г. Чернышев перевел его в Санкт-Петербург. Еще через полтора года не слишком регулярных заседаний Чернышев смог представить готовый проект Положения в Государственный Совет, который рассматривал все законопроекты, прежде чем передавать их на окончательное утверждение императору⁴⁹.

Дискуссии в особом Донском комитете при Государственном Совете ознаменовали собой начало, вероятно, самого деликатного и уязвимого этапа реформаторской деятельности Чернышева. Одно дело было преодолеть местную оппозицию на Дону, и совсем другое — справиться с сопротивлением высокопоставленных столичных сановников. По не вполне ясным причинам князь Васильчиков, один из наиболее влиятельных и видных членов Донского

комитета, выступил как защитник донского дворянства, особенно крупных помещиков, которые чувствовали себя наиболее неуютно перед лицом надвигающихся перемен. Хотя Васильчиков, вероятно, не мог рассчитывать на то, что новое Положение будет отвергнуто, он был в состоянии отсрочить его подачу на утверждение императору и, возможно, даже внести поправки в основные моменты законопроекта. Соответственно, его тактика заключалась в том, чтобы выступать с обширными комментариями по соответствующим статьям проекта с целью затянуть дискуссию, а также поставить под сомнение разумность отдельных аспектов предлагаемого законопроекта. Лишь личное вмешательство Чернышева в критические моменты развернувшихся дискуссий позволило сохранить в неизменном виде основные статьи Положения, особенно те, которые относились к фундаментальной земельной реформе. Однако, в значительной мере благодаря оппозиции Васильчикова, дискуссии в специальном Донском комитете Государственного Совета затянулись до позднего лета 1825 г. Лишь в сентябре того же года Государственный Совет принял к рассмотрению окончательный вариант проекта и объемистую сопроводительную записку к нему⁵⁰.

Несмотря на неотложность вопроса о реформах, прошло более десятилетия, прежде чем Положение об управлении Войском Донским официально вступило в силу. Отчасти задержка была вызвана смертью Александра I, восстанием декабристов, административными затруднениями, окружавшими вступление Николая I на престол, и последующими войнами с Персией и с Турцией, а также польским восстанием. Еще одной сложностью стала необходимость найти практическое решение земельного вопроса на Дону. Прежде чем царь мог провозгласить реформу, заместители Чернышева на Дону должны были завершить сбор сведений по текущей и предполагаемой структуре землевладения: десятки землемеров продолжали трудиться над выполнением этой работы и в 1830-е годы. Кроме того, воцарение нового монарха внушило тем донским офицерам, которые противились реформам, проблеск надежды, пусть ненадолго, но оживившей их усилия. В августе 1827 г., во время формального смотра, сопровождавшего коронацию Николая в Кремле, атаман Иловайский — прежде считавшийся одним из самых верных сторонников Чернышева на Дону — вручил императору обширное коммюнике, в котором предлагалось пересмотреть всю программу реформ. Николай лишь мельком проглядел это предложение и сразу же передал его Чернышеву, который случайно оказался поблизости. Все это через несколько месяцев Иловайский вслед за своим предшест-

47 О крестьянском восстании на Дону см.: Игнатович. Указ. соч. С. 71–75, 100–120; СИМ. Т. IX. С. 108–116; Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Вена, 1924. С. 282–283.

48 Карасев. Указ. соч. С. 227–228; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 164–170.

49 Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 159–160.

50 РГИА. Ф. 1150 (Департамент военных дел Государственного совета). Оп. 2. Д. 16. Л. 1–2, 26–31; Д. 1е. Л. 20–22; Ф. 651. Оп. 1. Д. 201. Л. 73–87; СИРИО. Т. СХХI. С. 389–392, 400–403; СВМ. Т. XI. Ч. I. Л. 173–174; сопроводительная записка перепечатана в: СВМ. Т. XI. Ч. 2. С. 263–300.

венником попал в опалу и получил отставку. В 1827 г. наказным атаманом казачьего войска Донского стал Д. Е. Кутейников⁵¹.

Задержка с формальным утверждением нового Положения имела и позитивный аспект, так как она способствовала тому, чтобы проводимые на Дону реформы более полно соответствовало преобразованиям, затронувшим высшие уровни военной иерархии. Как, к своему несчастью, обнаружил бывший атаман Иловыйский, воцарение нового монарха лишь укрепило положение Чернышева среди военачальников империи. В августе 1827 г. Чернышев сменил А. И. Татищева на посту военного министра; в следующем году он стал начальником Главного штаба Его Величества; таким образом, ответственность и за командование действующей армией, и за управление службами, обеспечивающими ее функционирование, оказалась в руках одного человека. Начиная с 1832 г. Чернышев представлял планы по масштабной реорганизации всей царской военной администрации, благодаря чему в 1836 г. все военные дела были переданы под юрисдикцию одного лишь военного министерства⁵². Ещё не успели просохнуть чернила на новых законах, а Чернышев уже выступал за то, чтобы полнее интегрировать российские казачьи войска со структурой регулярной армии. В первые несколько десятилетий XIX века обозначилась тенденция передавать те вопросы гражданской и военной жизни казаков, которые затрагивали верховные казачьи власти, в ведение различных министерств. Однако после 1837 года все казачьи дела, кроме тех, что особо выделялись как гражданские, относились к юрисдикции военного министерства. Наконец, указ от 1840 г. окончательно объявлял, что казаки по всем вопросам — как военным, так и гражданским — подчиняются департаменту военных поселений при военном министерстве⁵³.

Тем временем, пока ситуация на Дону не ухудшилась, Чернышев принимал меры к тому, чтобы отдельные статьи его Донского положения вступили в силу с тем, чтобы исправить наиболее вопиющие недостатки в местной делопроизводственной и землевладельческой практике. Д. Е. Кутейников на своем атаманском посту был обязан строго соблюдать основные моменты проекта Положения. Предвосхищая оппозицию переменам, Николай продолжил политику своих предшественников, улещивая казаков заверениями в их незаме-

нимости и сохраняя их особый статус в рамках Российской империи. В октябре 1827 г. он даже объявил цесаревича атаманом всех казачьих войск и шефом лейб-гвардейского Атаманского полка⁵⁴. В той же струе 1 января 1836 года прошла и торжественная церемония официального вступления Положения в силу. Два сенатора империи, Болгарский и Б. И. Княжнин, были посланы в Новочеркасск председательствовать на местных торжествах, сопровождавших объявление Положения казакам. Шестью месяцами ранее Чернышев начал тщательно готовиться к этому дню, добившись того, чтобы царь вызвал из Варшавы генерала М. Г. Власова, престарелого военного героя донских казаков, на замену Кутейникову как наказному атаману войска Донского. Главная задача Власова заключалась в том, чтобы его собратья-казаки мирно приняли новое Положение. Однако ни Николай, ни Чернышев не оставляли дело на волю случая: накануне торжества они разместили на границах Войска Донского надежные регулярные войска на случай серьезных волнений. Эти предосторожности оказались излишними, поскольку казаки приветствовали новое Положение с большим энтузиазмом — в значительной степени благодаря тем усилиям, которые приложил Чернышев в предыдущие пятнадцать лет. Даже представители непокорного дворянства, вопреки опасениям, выступили в поддержку Положения. В 1837 г. царь вместе с царевичем посетили Новочеркасск, где в присутствии донских сановников прошла почетная церемония вручения Александру Николаевичу регалий почетного атамана войска Донского⁵⁵.

Значение Положения 1835 года заключается в том, что это был первый общероссийский закон, охватывавший все стороны казачьей жизни. В новом законе нашли свое выражение потребность в кодификации и несколько более зловещее стремление к всеобщей регламентации. Иными словами, перефразируя некоторых комментаторов, Положение воплощало в себе соответствующие традиции М. М. Сперанского и А. А. Аракчеева. Их современник Чернышев однажды заявил, что «оно доставит всем действиям министерства твердость, точность, правильность и быстроту и облегчит способы к достижению главной цели военного управления — устройства военно-сухопутных сил Империи по всем видам и отношениям»⁵⁶. Таким образом, задача Донского положения сводилась к тому, чтобы организовать и упорядочить на всеобъемлющей основе наиболее

51 «Наказной» означает «назначенный», чем подчеркивается, что он отправляет свою службу по воле двора. О задержке с утверждением положения см.: СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 277; об инциденте с Иловыйским см.: Атаман Д. Е. Кутейников // Русская старина. XIII (1875). С. 41–42; Попов. Указ. соч. Л. 35–36; Савелов Л. М. Донские Дворянские роды. В 2 тт. СПб., 1902. Т. 1. С. 75–77.

52 Curtiss. The Russian Army under Nicholas I. P. 97; Данилов Н. А. Развитие военного управления в России // Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалона. Т. 1 (далее СВМ. Т. 1). С. 365–369; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 265–267.

53 СВМ. Т. IX. Ч. 1. С. 267–271; Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. В 55 т. СПб., 1830–1834 (далее ПСЗ II). Т. XII. № 10720; Т. XV. № 13683.

54 СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 261, 277–280; ПСЗ II. Т. III. № 1815.

55 Н. Максим Григорьевич Власов, атаман войска Донского 1836–1838 // Русская старина. XIII (1875). С. 217–219; донесение Болгарского см.: РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 35. Ч. II. Л. 182–198; см. также: Краснов Н. По вопросу об образовании офицеров донских полков // Военный сборник. XLVIII (1866). С. 311–316; Краснов Н. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Военный сборник. XLVIII (1865). С. 341–343.

56 Чернышев цитируется в: СВМ. Т. I. С. 372.

важные аспекты управления, экономики и военной службы в Войске Донском. В глазах Чернышева решение проблем Дона заключалось в создании соответствующей структуры и порядка, а это, по мнению одного наблюдателя, означало превращение территории Войска Донского в «военное поселение»⁵⁷.

Значительная часть Положения была посвящена определению структуры региональной администрации, а также прав и обязанностей ее должностных лиц. Во главе двух отдельных вертикалей власти — военной и гражданской — стоял наказной атаман войска. В сфере гражданской администрации атаман занимал должность, аналогичную генерал-губернаторской, возглавляя Войсковое правление с четырьмя отдельными службами (исполнительной, экономической, земельной и налоговой), а также несколькими мелкими ведомствами, которые занимались отчетностью и юридическими вопросами. Кроме того, в Положении предусматривалось создание отдельного войскового суда и учреждений, занимающихся вопросами строительства и благосостояния. На промежуточном административном уровне, в рамках семи донских округов, согласно Положению, учреждались судебные инстанции и административные службы, повторявшие в меньших масштабах аналогичные учреждения уездного уровня в губерниях, управляющихся обычной гражданской администрацией. На низшем административном уровне казачьих станиц Положение сохраняло в неизменном виде систему выборной администрации, возглавляемой станичным атаманом, которому помогали два казачьих старшины. Собственно, общий успех Положения может отчасти объясняться готовностью военных реформаторов, включая Чернышева, оставить станичные дела в руках простых казаков⁵⁸.

В области региональной экономики Положение затрагивало ряд вопросов, начиная от торговли и кончая акцизными обязательствами, но самой важной проблемой оставалось землевладение. Несмотря на предшествовавшие обличения Чернышева, казачье дворянство не имело особых поводов для тревоги, за исключением, может быть, неудобств, связанных с планами по выводу крепостных, принадлежавших офицерам-казакам, со станичных земель. Основное положение земельной реформы сводилось к тому, что донских крепостных следовало по возможности переселить на пустующие войсковые земли, расположенные преимущественно в Черкасском и Миусском округах, из расчета по пятнадцати десятинам на каждого крепостного мужского пола. Офицерам-казакам, не имевшим

крепостных, разрешалось сохранять земельные участки, отдельные от земель рядовых казаков, в пределах станиц, причем размер наделов зависел от чина и от наличия незанятой земли. Что более существенно, предполагалось увеличить размеры всех наделов в рамках отдельных станиц и перераспределить между станицами таким образом, чтобы в распоряжении каждого казака оказалось не менее тридцати десятин обрабатываемой земли. Положение также предусматривало создание резервного земельного фонда в расчете на дальнейший рост населения. Очевидная и нескрываемая цель этих мероприятий заключалась в том, чтобы обеспечить донским казакам возможность для дальнейшего несения военной службы на основе коллективного землепользования⁵⁹.

Военная организация Войска Донского, как и его гражданское управление, по Положению 1835 года, получали более четкую структуру. Командующий войска, наказной атаман, наделялся полномочиями, аналогичными полномочиям командующего армейским корпусом, и ставился во главе Военного дежурства, призванного заменить устаревшие военные учреждения при прежнем войсковом правительстве. Начальник Военного дежурства являлся заместителем атамана, отвечая за выполнение его распоряжений в сфере военных дел. В военном отношении Дон делился на четыре крупных округа, каждый из которых подчинялся атаману через генерала, стоящего во главе округа, и окружной штаб. В обязанности четырех начальствующих генералов входили набор, инспектирование и отправка казачьих полков на службу во время военных кампаний. Помимо того, Положение предусматривало, чтобы в каждом военном округе имелся собственный плацпарад для смотров и муштровки полков. Продолжительность службы устанавливалась в двадцать пять лет для офицеров и тридцать для рядовых⁶⁰.

Серьезно отступая от традиции, составители военных статей Положения впервые в истории опубликовали в их составе полковую инструкцию, содержание которой затрагивало самые разные темы, начиная от размеров воинских частей, и заканчивая порядком выплаты жалованья во время кампаний. Размер казачьего полка устанавливался в 850 офицеров и рядовых — в этом ясно выражалось стремление Чернышева ограничить численность казачьего дворянства, сократив офицерские кадры каждого полка и одновременно увеличив численность рядового состава. В полковой инструкции давались также предписания по части формы, на кото-

57 Краснов Н. Исторические очерки Дона // Русская речь. Кн. 8. (Август 1871). С. 63.

58 Хотя Положение официально вступило в силу 1 января 1836 года, оно получило известность как Положение от 1835 года, поскольку именно в том году было формально утверждено; соответствующие части Положения см.: ПСЗ II. Т. X. № 8163. Ч. 3. Ст. 1–166; о станичном управлении говорится в Ст. 167–178; см. также: СВМ. Т. XI. Ч. 1, 278–279; Сватиков. Указ. соч. С. 314–321.

59 О землеустройстве см.: ПСЗ II. Т. X. Приложения к наказу гражданскому управлению Донского войска. Ч. 2; см. также: Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды областного войска Донского статистического комитета. В 2 т. Новочеркасск, 1867, 1874. Т. 1. С. 84–87.

60 ПСЗ II. Т. X. № 8163. Ч. 2; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 278–279; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2477. Л. 21; о том, как Чернышев уменьшил число офицеров, приписанных к казачьим полкам, см.: СИМ. Т. VIII. С. 270–273.

рой должен был обозначаться номер полка. Однако, в соответствии с казачьей традицией, полку также разрешалось носить имя своего командира. Дополнительные статьи полковой инструкции касались правил по устройству засад, проведению рейдов и кавалерийских атак. Хотя эти указания служили лишь самым минимальным тактическим руководством, они отражали возросшую заинтересованность в упорядочении тех аспектов службы, которые, по мнению строевых офицеров прежних эпох, должны были и так быть хорошо известны жителям фронта. Наконец, большое место отводилось в Положении требованию о подчинении казаков военному уставу и военному судопроизводству в казачьих полках⁶¹.

Совокупный эффект этих нововведений в военной сфере был призван облегчить донским казакам переход в «регулярство», которое прежде вызывало такой ужас. В значительной степени благодаря Положению Чернышева, на смену обычая как главной силе, обеспечивающей продолжение существования казачьего войска Донского, пришел закон. Во время наполеоновских кампаний донские казаки привыкли к службе под началом строевых офицеров, а теперь, в результате изменений в донском офицерском корпусе, казаки служили под началом не строевых русских офицеров, а обрусевших казачьих офицеров. Казаки были приписаны к полкам, размер которых был строго задан, однако этим полкам недоставало оседлого характера, свойственного служилым казакам и военным поселенцам. Наконец, казакам выдали форму и обязали их подчиняться требованиям полевого устава, составленного так, чтобы учитывать особенности казачества, в то же время предписывая им соблюдение общепринятых военных правил. За казаками сохранялось название «нерегулярных войск», но в действительности они лишились своей нерегулярности практически во всех отношениях, за исключением названия. В том и состояла гениальность Чернышева, что он добился того, чтобы и казаки, и правительство страны согласились пойти на все эти новшества⁶².

И, наконец, следует упомянуть ещё один вклад Чернышева в строительство казачьих войск, какими они сохранялись вплоть до революции. Он заключался в распространении донской модели на другие казачьи войска императорской России. Еще со времен Потемкина Войско Донское служило образцом для организации почти всех прочих казачьих войск, и это правило оставалось в силе и при Александре I, и при Николае I. Закончив реорганизацию военного министерства, Чернышев приступил к насаждению донского образца практически во всех остальных казачьих войсках России. В 1840 г. основные статьи Донского положения были распростра-

нены на Оренбургское казачье войско, в 1842 г. на Черноморское (впоследствии Кубанское) войско, в 1844 г. на Дунайское войско, в 1845 г. на казаков Кавказской линии, и в 1846 г. на Астраханское войско. По оценке одного официального историка, при Чернышеве военное министерство выпустило около 1300 мелких постановлений, связанных с различными аспектами казачьей службы и внутреннего управления⁶³. Сам Чернышев так писал о Положении в докладе от 1850 г., в котором подводил итоги почти четверти века своей работы во главе военного министерства: «Законоположения сии, коснувшиеся всех предметов управления военно-гражданственного быта казачьих войск, учредили по всем частям твердый порядок, возвели их на удовлетворительную степень теперешнего их благосостояния, сохранив между тем неприкосновенным древний воинственный дух, знаменовавший казачьи войска славными подвигами в боях, преданностию их к Царю и Отечеству, строгости семейных нравов и трудолюбием, и указали верные пути к дальнейшему укоренению в них этих доблестных свойств»⁶⁴.

Под опекой Чернышева казачьи войска переживали нечто вроде возрождения. В 1826–1852 гг. казачье население империи почти удвоилось. Если прежде оно чуть превышало один миллион, теперь оно достигло двух миллионов человек. При восшествии Николая I на престол в империи насчитывалось девять отдельных казачьих войск плюс несколько отдельных полков и многочисленные мелкие подразделения. После русско-турецкой войны 1829–1830 гг. Чернышев сформировал несколько дополнительных казачьих группировок, Дунайское и Азовское войска. В 1842 г. старое Ставрополь-Калмыцкое войско было переселено в пределы Оренбургского войска. В 1850 г. Чернышев в своем докладе императору мог с полным основанием утверждать, что за предыдущую четверть века число состоящих на службе казачьих подразделений почти удвоилось. В том же году Чернышев как военный министр мог выставить более чем 110 тысяч конных казаков в 105 полках плюс еще 100 тысяч человек в резерве⁶⁵.

Деятельность А. И. Чернышева представляет собой важную страницу в истории казачьих сил императорской России. В эпоху революционных изменений в военном деле, которые влекли за собой потенциально революционные последствия для общества в целом, Чернышев предпочел добиваться институциональной преемственности вместо более дорогостоящих военных и социальных преобразований. Иными словами, он пытался найти ответ на сложные военные вызовы постнаполеоновской Европы, не следуя новым направлениям, а добиваясь совершенствования уже существующих.

61 ПСЗ II. Т. X. № 8163 (Полковая инструкция для Донского войска).

62 См.: Хорошкин А. П. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 40, 48.

63 СВМ. Т. I. С. 362–364.

64 Чернышев А. И. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // СИРИО. Т. ХСVIII. С. 426.

65 Там же. С. 424–425; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 223–224.

В этом отношении он мало чем отличался — за исключением разве что своей настойчивости и тщательности — от своих российских современников, тех министров, которые, по словам У. Брюса Линкольна, «в массе своей считали структуру российской государственности в принципе разумной и полагали, что ее недостатки можно исправить более или менее частными мерами»⁶⁶. Чернышев, среди прочих, придерживался того мнения, что казаки не утратили своего военного значения, и именно он приобрел достаточно влияния и власти, чтобы добиться реализации своих идей в отношении более совершенных форм казачьего существования. Вклад Чернышева также заключался в умении ввести боевую пригодность казаков в контекст регулярной армии, а затем предпринять необходимые шаги для повышения этой пригодности, для перевода ее на более предсказуемую основу и для ее воспроизведения всюду, где это было необходимо. Особую роль в этом процессе сыграло политическое чутье Чернышева, позволившее ему придать реформам такой характер и размах, которые в прежние времена считались бы неприемлемыми. В более широком смысле реформаторская деятельность Чернышева соответствовала тому, что один историк казачества назвал «проявлением столь характерной для эпохи Николая I милитаризации всего управления вообще»⁶⁷. Время и соответственно менявшиеся обстоятельства гражданской и военной жизни вносили в труды Чернышева свои поправки, но созданное им основополагающее Донское Положение неизменно оставалось основой и отправной точкой для дальнейшей эволюции. Чернышеву, более, чем кому-либо другому, включая, возможно, даже Потемкина, Россия обязана узаконением существования военного общества, и потому его можно по праву считать российским аналогом спартапца Ликурга.

Перевод с английского Николая Эдельмана

---

66 W. Bruce Lincoln. The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Careers // *The Russian Review*, XXXIV, No. 3 (July 1975). P. 323.

67 Сватиков. Указ. соч. С. 310.